

А. М. Бухарев

**Моя апология по поводу
критических отзывов о
книге: "О современных
духовных потребностях
мысли и жизни, особенно
русской"**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
А11

А11 **А. М. Бухарев**
Моя апология по поводу критических отзывов о книге: "О современных духовных потребностях мысли и жизни, особенно русской" / А. М. Бухарев – М.: Книга по Требованию, 2021. – 78 с.

ISBN 978-5-458-09920-2

Сочинение А. Бухарева. Москва :Издание книгопродавца Манухина, 1866.

ISBN 978-5-458-09920-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ситъ все дѣло нашего совершенствованія непосредственно къ Иисусу Христу... По смыслу представленій автора выходитъ, что вслѣдствіе самозакланія Агнца Божія, пострадавшаго за всѣ неправды людей и открывшаго для нихъ источникъ любви Божіей, намъ самимъ остается только возставлять себя въ Его человеколюбивомъ духѣ по всѣмъ силамъ души: уму, волѣ, по чувству. Всецѣлое искупленіе насъ Агнцемъ и непосредственное, тоже всецѣлое, возставленіе себя въ Его духѣ: вотъ двѣ главныя мысли, на которыхъ держится весь сборникъ статей... Приписывая мнѣ такое воззрѣніе, устранившее св. церковь отъ участія въ дѣлѣ нашего духовнаго оживотворенія, критикъ, въ мое вразумленіе, то развиваетъ вкратцѣ православно-догматическую теорію о церкви; то выводитъ на чистую воду разныя несообразности или нелѣпости приписаннаго мнѣ неправого воззрѣнія; то заподозриваетъ или даже положительно винитъ меня въ какой-то «преднамѣренности», въ какихъ-то «скрытыхъ побужденіяхъ», замѣтно впрочемъ будто бы «высказывающихся въ томъ простодушіи и наивности, съ которыми я во всемъ, начиная отъ издѣлій мечтательнаго романа и кончая хлопотливыми заботами о житейскихъ потребностяхъ, думаю будто бы видѣть инстинктивное или сознательное служеніе Христовой истинѣ и благодати». Такимъ образомъ проницательность моего критика ужь не останавливается и на томъ, чтобы приписывать мнѣ неправомысленное умолчаніе о «необходимомъ (для насъ) посредствѣ церкви, которою самымъ дѣломъ совершается въ насъ обновленіе и совершенствованіе во Христѣ». — «Мало того,—такъ еще говоритъ о статьяхъ моихъ не хотящій бросать на меня каменьевъ критикъ,—«онѣ всѣ

ходъ обновленія міра и возсозданія человѣчества представляютъ, если не моментально совершившимся въ существѣ голгоуской жертвы, то—продолжающимъ совершаться чрезъ всю исторію человѣчества, въ силу, такъ сказать, тяготѣющаго надъ нами и нравственно необходимаго закона—возглавленія всего Агнцемъ. Авторъ допускаетъ даже инстинктивное, безсознательное со стороны человѣка осуществленіе этого закона... По всему этому критикъ приписываетъ мнѣ «какой-то идеализмъ вѣры» и «тайное, но сильное будто бы ратованіе противъ какого-то подразумѣваемаго матеріализма» вѣры, разумѣя подъ послѣднимъ, кажется, едва ли не всю православную церковность или, по крайней мѣрѣ, виѣшнюю дѣятельность вѣры по духу церковному.

Такой образъ воззрѣній, по словамъ критика, едва ли можно (очевидно и рѣшительно—нельзя, а «едва ли можно», говоритъ снисходительный критикъ, чтобы не бросить только на меня камень), «назвать истинною цѣркви православной, а не отсвѣтомъ чего-либо другаго, гдѣ человѣкъ, вѣрующій во Христа Спасителя, всего меньше нуждается въ руководствѣ закона и дѣлахъ, какъ сынъ благодати и любви Отчей». Тоже сказать просто и прямо: образъ воззрѣній, выше объясненный, относится не къ православію, а развѣ къ лютеранству, пренебрегающему наружною дѣятельностію и всею почти церковностію.—Къ этому присоединена и старая пѣсня обо мнѣ, начатая «Домашнею Бесѣдою». «Служа дѣлу истины и вѣры, онъ, такъ говоритъ обо мнѣ мой критикъ, какъ будто вредитъ имъ тѣмъ, что въ своемъ религіозномъ экстазѣ готовъ оправдывать и извинять многое безконечнымъ самопожертвованіемъ и человѣколюбі-

емъ Агнца, заклavшагося за насъ,—ослабляетъ тяготу грѣха и порока собственно для людей». Въ заключеніе всего разбора книги моей критикъ, высказавъ свое сочувствіе ко мнѣ, выражаетъ «желаніе мнѣ только того, чтобы я самъ строже и внимательнѣе, съ должнымъ смиреніемъ, вновь просмотрѣлъ свои умоначертанія, при свѣтѣ православной Церкви» и т. д.

Не правда ли,—духовная критика, и не бросая на меня камня, тѣмъ не менѣе рѣшительно отказываетъ моей книгѣ въ правахъ гражданства въ православно-русскомъ умственномъ мірѣ. Конечно, не будь у меня разныхъ слишкомъ вразумительныхъ, въ этомъ же именно родѣ, опытовъ послѣднихъ пяти или шести лѣтъ,—подобной приговоръ моей книгѣ или даже вообще моему, образу воззрѣній или моимъ, по выраженію критика, умоначертаніямъ озадачилъ бы меня, какъ самая тяжелая нечаянность. Но мнѣ ужъ пора привыкать ко всему. Все же, думаю, русскимъ людямъ и критикамъ, особенно духовнымъ должно быть справедливыми и ко мнѣ.

Главный и основной недостатокъ въ моихъ воззрѣніяхъ, по отзыву духовной критики, состоитъ (какъ выше показано) въ преднамѣренномъ и неправомыслѣнномъ умолчаніи моемъ о Церкви, о ея посредствѣ въ дѣлѣ обновленія и усовершенія нашего. Справедливо ли это нареканіе критики, заразъ низвергающее мою книгу съ высоты православія въ область или духъ лютеранства, или чего другаго подобнаго? Раскроемъ самую книгу мою ¹⁾. Въ ней оказывается (и читатель можетъ повѣ-

¹⁾ Курсивомъ отпечатанныя ниже слова—взяты съ буквальною точностію изъ моей книги.

рить это собственными глазами), что св. церковь я называю матерію нашею (см. стр. 74) и что усыновленіе наше Отцу небесному и сообщеніе съ Сыномъ Его отношу я прямо къ благодати крещенія и другихъ святыхъ таинствъ церкви (стр. 325), также и начатки въ насъ Духа животворящаго (слич. Рим. VIII, 23) признаю существующими въ насъ именно по жизненному дѣйствію святыхъ таинствъ православной церкви (стр. 321). Изъ книги моей видно, что особенно люблю я представлять св. церковь, послѣдую въ этомъ ап. Павлу, благодатнымъ Христовымъ тѣломъ, имѣющимъ своею душею и главою одного и прямо Самого Господа, который раскрываетъ самъ изъ Своей, челоуѣколюбивой до крестнаго самопожертвованія, благодати и истины всю полноту церковнаго тѣла — іерархіи и прочихъ членовъ церкви, всю полноту церковнаго чина и уставовъ (см. стр. 197 и 10). Твердо поставляя на видъ ту истину, что въ этомъ благодатномъ тѣлѣ Христовомъ мы, и свѣтскіе и духовные, разнимся взаимно отнюдь не какъ тѣло и душа, а только какъ разные члены и разные органы одного общаго Христова тѣла (стр. 10), я въ своей книгѣ столько же твердо поставляю на видъ, что органы церкви, составляющіе ея іерархію или чинъ священнослужителей, отдѣляются отъ прочихъ своихъ сочленовъ, какъ участники особенной благодати священства, и что эта особенная благодать дана имъ для благодатнаго послуженія именно тому, чтобы Христосъ Господь былъ и со всеѣми прочими для спасенія ихъ отъ всего лживаго, пагубнаго, вообще грѣховнаго

(стр. 310). Въ этомъ я утверждаюсь на прямомъ свидѣтельствѣ слова Божія (Еф. IV, 11—13), что Господь далъ церкви своихъ пастырей и учителей для такого созиданія этого Христова тѣла, чтобы намъ всѣмъ придти въ единство вѣры и познанія Сына Божія, въ зрѣлость мужа, въ мѣру полного возраста Христова (стр. 572). Довольно ли всего этого для доказательства, что я въ своей книгѣ со-всѣмъ не умалчиваю о св. церкви и необходимомъ ея посредствѣ въ дѣлѣ нашего обновленія и усовершенія духовнаго? — Кажется, и сказаннаго уже слишкомъ довольно для книги, посвященной раскрытію не нарочито ученія о церкви, а современныхъ духовныхъ потребностей мысли и жизни, особенно русской.

Или, пожалуй, не слишкомъ ли отвлеченно-общі, въ моей книгѣ, представленія о церкви, такъ что обходится намѣреннымъ молчаніемъ церковное различіе православія отъ неправославныхъ видовъ христіанства или даже отъ явленій предварающей благодати внѣ христіанства? Напротивъ, я въ книгѣ представляю церковь, не какъ только отвлеченное какое-то царство духовной безконтрольной истины или мысленную область всего во всемъ мірѣ, подходящаго къ такой истинѣ. Я своею вѣрою знаю и исповѣдую въ книгѣ именно и прямо одну православную вселенскую церковь (стр. 200), не только съ св. таинствами и равноправною во Христѣ множественностію церковныхъ вождей (стр. 559) или іерархіею (о чемъ уже выше говорено было словами моей книги), но и съ непрерывнымъ живымъ преданіемъ, вводящимъ насъ по Христу во внутреннюю связь духа, мысли и жизни со всѣмъ благодат-

но-живымъ составомъ церкви вселенской всѣхъ временъ и вѣка апостольскаго, и періода гоненій, и періода вселенскихъ соборовъ и т. д. (стр. 562), съ соборами, одушевленными особенно живымъ обращеніемъ вѣры ко Христу и осѣненными за то особеннымъ же благодатнымъ присутствіемъ Христа, съ ученіемъ, раскрывающимъ свѣтъ и силу слова Божія сообразно съ обстоятельствами и потребностями временъ, съ утвержденнымъ Божественными правилами церковнымъ устройствомъ, съ благодатною церковною дисциплиною, съ разными бытовыми отношеніями... Всего этого, притомъ я не мимоходомъ касаюсь въ моей книгѣ, но разсужденію объ этомъ посвящаю цѣлую статью (стр. 553—575. «Отзывъ на заграничныя письма о. протоіерея Васильева»). Въ составѣ или области православной вселенской Церкви, въ настоящее время, книга моя указываетъ далеко, далеко не весь міръ, а только православный востокъ и Россію, твердо притомъ поставляя на видъ, что и въ православной Россіи область православія не мало опустошается духовно какъ духовно-языческимъ направленіемъ нѣкоторыхъ дѣйствующихъ и мыслящихъ помимо Христа, такъ и духовно-іудейскимъ направленіемъ иныхъ, не входящихъ въ живую силу православія, а ревнующихъ особенно о его буквѣ (это многократно и многообразно высказывается въ книгѣ). Что касается до запада, неоднократно же въ моей книгѣ выставляется на видъ какъ неправо-мысліе римскаго католичества, которое чрезъ возглавленіе своихъ христіанъ не въ одномъ и самомъ Христѣ, а и въ простомъ земномъ человѣкѣ, низвергла ихъ съ неба на землю, такъ и фальшивая раціональность

лютеранства и протестанства, которая самочинно, или съ самовластіемъ надъ Божиимъ дѣломъ, преобразовало христіанство многихъ націй на западѣ (стр. 195). Только я, въ своей книгѣ, согласно церковной молитвѣ «о соединеніи всѣхъ», выражаю по мѣстамъ горячія желанія и ожиданія этого всемірнаго торжества православія—возсоединенія неправославнаго запада съ востокомъ православнымъ; при чемъ слѣжу по движенію міровыхъ и церковныхъ судебъ, на сколько и какъ приближается это всежеланное «соединеніе всѣхъ» церквей и христіанъ въ одну православную вселенскую церковь (см. стр. 192—208). Такимъ-то путемъ попеченія собственно о церкви, по моимъ мыслямъ въ книгѣ, и ведетъ всевышній Отецъ возлюбленное имъ ради Своего Сына человечество къ его назначенію или, что тоже, ко спасенію рода человѣческаго (стр. 126—137). И послѣ всего этого меня винять въ «молчаніи о церкви», происходящемъ отъ какихъ-то отвлеченно-идеальныхъ представлений или даже отъ какихъ-то «скрытыхъ побужденій» какъ будто, по моимъ воззрѣніямъ, «человѣкъ и человечество идутъ къ своему назначенію» помимо церкви? Если же я, согласно евангелію, говорю въ своей книгѣ, что Христосъ Богъ Слово есть свѣтъ, свѣтящійся и во тьмѣ человѣческой (Іоан. I, 5), давая иногда и такому темному человѣку, какъ христоубійственный Каіафа, пророчествовать, и это даже при самомъ приготовленіи смертнаго приговора на Христа (XI, 49—51), если, потому, и во тьмѣ неправомыслія и даже язычества внушаю не пренебрегать, а отыскивать всякія искры отъ Христова свѣта, вѣрность которымъ поднимаетъ и не-

вѣрныхъ—къ правосмыслию: то и это дѣлаю я не иначе, какъ въ прямомъ интересѣ ручаемаго чрезъ это единенія церковей въ одной вселенской церкви, торжества истины и правосмыслия или православія въ мірѣ, — въ этомъ православно-церковномъ интересѣ, отъ котораго у меня не отдѣлимы благо человѣчества и свое каждого человѣка (см. 491 стран.). Свѣтъ Христовъ, свѣтящійся и во тьмѣ внѣцерковной, я признаю собственностію этой же полноты Христовой—св. церкви, какъ свѣтъ православія, простирающійся на всевозможныя среды, по крайней мѣрѣ, чрезъ предваряющую или предуготовляющую и привлекающую къ православію благодать (тамже). Такимъ образомъ св. церковь православная является, по моей книгѣ, единственною и вселенскою, просвѣтительною и животворною для насъ и міра, областію Христовой истины, ясно и рѣзко обозначенною въ книгѣ и по своимъ существеннымъ принадлежностямъ и по своему нынѣшнему объему, и по своему составу, и даже по своему отношенію и къ такому Христову свѣту, который свѣтится во внѣшней для церкви тьмѣ.

Или я съ «скрытыми побужденіями» молчу о внѣшней церковности, напримѣръ—о храмахъ, о богослуженіи церковномъ? И въ этомъ нѣтъ опоры и оправданія для заключеній о моей книгѣ духовнаго критика. Книга моя говоритъ прямо о Божіемъ храмѣ, находясь въ которомъ на небеси стояти мнимъ, по выраженію церковной пѣсни (стр. 43). Книга обстоятельно разъясняетъ, какъ за богослуженіемъ просто и доступно даже простой женщинѣ, при видѣ священнослужащихъ на всѣхъ ихъ степеняхъ, возвышаться душою къ

Самому Господу, проявляющему чрезъ нихъ и ихъ служеніе благодать Своего ходатайства за насъ предъ Отцемъ небеснымъ (стр. 67), какъ въ порядкѣ и составныхъ частяхъ церковнаго богослуженія дается нашей вѣрѣ приникать ко всему историческому ходу и самому существу дѣла нашего спасенія Христомъ (стр. 139—144 и 216—218). Въ книгѣ говорится не только о святыхъ и досточтимыхъ иконахъ, хотя бы онѣ были и суждальскаго издѣлія (стр. 74), не только о благодатно-живой знаменательности частей храма, особенно алтаря (стр. 66), но и о духовной назидательности самаго звона церковнаго, особенно задостойнаго, возвѣщающаго и находящимся внѣ храма великую минуту преложенія простаго хлѣба и вина въ ходатайственную за весь міръ жертву самаго тѣла и крови Господа нашего (стр. 60).—Въ чемъ же я показался духовному критику какимъ-то идеалистомъ вѣры, скрытно, но сильно ратующимъ противъ какого-то матеріализма церковности, когда и вся внѣшность послѣдней представляется у меня руководительною и духовно-живительною для нашей вѣры?

Или я самъ, въ развитіи моихъ мыслей въ книгѣ, пренебрегаю руководствомъ и благодатнымъ авторитетомъ церкви? Все вышесказанное мною о моихъ воззрѣніяхъ на церковь достаточно уже для отраженія подобныхъ предположеній или подозрѣній на мой счетъ. Но и за тѣмъ книга открыта предъ всѣми. Самыя коренныя и любимыя мои мысли раскрываются не только изъ священнаго Писанія, но и изъ святоотеческаго духа и слова (см. стр. 379—382), на основаніи вселенскихъ церковныхъ опредѣленій (стр. 27 и 28), съ

буквально-точною иногда цитовкою соборныхъ постановленій (стр. 566 и сл.), изъ церковныхъ молитвъ и пѣснопѣній (стр. 557. 388), изъ сказаній православно-церковныхъ (стр. 402 и сл.), изъ примѣра прославленныхъ въ св. церкви святыхъ (стр. 478. 106—108. 45). Такой образъ и развитіе мыслей свойственны ли человѣку, который не считалъ бы за необходимое въ дѣлѣ истины имѣть въ виду духъ и смыслъ православно-церковнаго вѣрованія, а напротивъ преднамѣренно молчалъ бы о руководствѣ церкви?! Да цѣлая первая половина моей книги даже и изложена такъ, что весь мой образъ мыслей даже наглядно поставленъ подъ духовное руководство лица церковнаго—священника (см. стр. 1—275), чтобы мнѣ не только не быть, но и не показать себя кому-либо стоящимъ внѣ церковнаго учительства. Самый мой, по выраженію критика, «своеобразный взглядъ», примѣченный имъ, какъ видно изъ цитованныхъ имъ страницъ (96—97), особенно въ моемъ совѣтѣ вѣрующему человѣку, чтобы, раскланиваясь съ знакомыми или знакомясь съ незнакомыми, вспомнить, что это все иконы Бога, создавшаго человѣка по Своему образу, и воздать Ему въ своемъ духѣ честь и поклоненіе, исполняя чрезъ это всю силу православнаго обычая кланяться, при входѣ въ домъ, предъ святыми иконами,—и этотъ «своеобразный взглядъ на вѣру» принадлежитъ не моей личной оригинальности. Еще св. Іоаннъ Дамаскинъ, ревностный и мудрый защитникъ иконопочитанія, въ своемъ «Точномъ изложеніи вѣры православной», указываетъ въ нашихъ взаимныхъ поклонахъ первое проявленіе и выраженіе иконопочитанія; такъ какъ люди почтены